

ВЛАДИМИР СОРОКИН

Владимир Сорокин

Манарага

«Corpus (ACT)»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин В. Г.

Манарага / В. Г. Сорокин — «Corpus (ACT)», 2017

ISBN 978-5-17-102757-5

Какой будет судьба бумажной книги в мире умных блох и голограмм, живородящего меха и золотых рыбок, после Нового средневековья и Второй исламской революции? В романе «Манарага» Владимир Сорокин задает неожиданный вектор размышлениям об отношениях человечества с печатным словом. Необычная профессия главного героя — подпольщика, романтика, мастера своего дела — заставляет нас по-новому взглянуть на книгу. Роман Сорокина можно прочесть как эпитафию бумажной литературе — и как гимн ее вечной жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102757-5

© Сорокин В. Г., 2017
© Corpus (ACT), 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Владимир Сорокин

Манарага

13 марта

Вечер: шашлык из осетрины на “Идиоте”. Роман *полноценный*, второго среднего веса, 720 граммов, 509 страниц, бумага веленевая, цельнотканевый коленкоровый переплет. Вполне хватило на восемь шампуров.

Как и было обговорено, клиент + семеро гостей восседали вокруг жаровни. Естественно, не только чтобы убедиться, что я жгу именно первое издание, книгу за 8700 фунтов, а не подменил ее каким-нибудь северным детективом XXI века про сто пятьдесят оттенков посредственности. Они хотели искусства. И получили его.

Все, все соответствовало. Я был на высоте.

Хотя только book'n'griller знает, сколько в его работе подводных камней. Это – наша *внутренняя кухня*. Романы, как известно, печатались на разной бумаге. И гореть она может по-разному. Возможны как тление, так и вспышки, с последующим воспарением листов и прилипанием их к мясу или кружением над головами клиентов. В наших жаровнях есть специальные воздушные насосы, способные остановить воспарение горящей и отгоревшей бумаги. Но ими пользуются в основном начинающие. Настоящий мастер должен работать руками и головой. Эти насосы умягчают не только пламя, но и зрелище. Вместе с воздухом они отсасывают презентабельность. А книга должна быть *яркой*: пылать и поражать. Опытный мастер обязан просчитывать весь процесс как шахматную партию и хладнокровно балансировать над пропастью. Переплет, каптал, коленкор, картон, марлевые клапаны, пеньковый шнур, закладки, казеиновый клей, засушенные цветочки, книжные вши, клопы или тараканы в корешке – все это скрытые угрозы. Их необходимо учитывать. Однажды у одного повара вспыхнула микропленка, вделанная в корешок в середине XX века. У другого были проблемы с антроподермическим переплетом “120 дней Содома”. Все, все возможно... Малейшая оплошность, неуверенность или самоуверенность – и катастрофа неизбежна. Моя профессия сопряжена с риском. В лучшем случае это потеря денег, вино в лицо, удары дорогой посудой по голове. В худшем – *мягкая*, а зачастую и твердая пуля. Теперь уголовники все чаще заказывают букинистические пиры. А после войны Европа кишит оружием. Сегодняшний немец – эхо золотой довоенной эпохи.

Риск возрастает, когда дамы и господа сидят *вокруг* жаровни и у повара нет тыла. Так на то я и *шеф-гастролер*, а не рядовой book'n'griller. Когда жаровня окружена со всех сторон клиентами с пустыми тарелками, я вспоминаю того легендарного фокусника, что некогда ходил по городам Европы, поражая публику простым фокусом с протыканием пальца гвоздем. Элементарный трюк, целиком зависящий от угла зрения простаков. Но однажды подвыпившие простолюдины поймали “волшебника” где-то на площади, громогласно требуя фокуса. Гвоздь ему выдали. Его обступили со всех сторон. И пришлось чародею по-настоящему проткнуть себе палец. А гримасу боли народ принял за улыбку. Вот тогда он и получил настоящее признание. Но нам, увы, и протыкать нечего. Вся моя необычная профессия держится только на чистом мастерстве.

Слава огню, за эти девять лет я научился *правильно* обращаться с книгами. У нас говорят: этот повар хорошо *читает*. Я *читаю* прилично. А значит – страницы пылают, одна за другой, заворачивая клиентов, мясо шипит, глаза блестят, гонорар растет...

Книги как лошади – дикие и своенравные, если не найти к ним подхода. Я обхожусь без стека и шпор. Ласка, только ласка... Книги для меня не просто *дрова*, как их называют в нашем поварском подпольном сообществе. Все-таки книга – это целый мир, хоть и ушедший

навсегда. В этом смысле я романтик. Я сын гуманитария, внук стоматолога, правнук адвоката, праправнук раввина. И я знаю точно – если ты любишь книгу по-настоящему, она отдаст тебе все свое тепло. А я люблю русскую классику, хотя не прочел и до середины ни одного русского романа. И я не буду жарить стейк на писателе второго сорта, вроде Горького. Всю классику я и моя *умная* блоха знаем наизусть: сюжет, биография автора со всеми подробностями, дата выхода бумажного *полена*. Это необходимо знать каждому повару, даже если он вообще не умеет читать книги. А таких людей у нас, к сожалению, все больше. Хотя, безусловно, чтобы хорошо *прочесть* книгу, повару необязательно ее прочесть. Парадокс XXI века. “O tempo, o mores!” – как говаривал мой покойный профессор-отец. А я мальчиком думал, что он говорит о “темпуре”, которую готовили в одной японской харчевне на соседней улице. Во мне уже тогда проснулась душа повара.

За эти девять лет именно русская литература принесла мне весьма приличный доход. Благодаря ее пылающим страницам я прошел суровый путь от рядового повара в подпольных забегаловках Гонконга до шефа-по-вызову с тремя звездами и могу позволить теперь себе жить гастролями, кочуя по миру. Ну и конечно – Опыт, Опыт, “сын ошибок трудных”. Да и мать его – Случайность. И отец – Интуиция.

Все, все приходит с годами...

Так что – книгу надо любить. Недаром мой наставник Zokal, получивший “пожизненно” за легендарный ночной банкет в Афинской библиотеке, говаривал: “Книга – лучший подарок”. На сорокалетие мы, тогда еще *поварята*, преподнесли ему первое издание “Доктора Но”, зная, что он готовит мощную гриль-парти на собрании сочинений Флеминга для семейки одного американского миллиардера, помешанного на Бонде.

Так что да здравствуют *правильные* книги в огне!

Сегодня же была оч-ч-ч-чень правильная классика – прижизненное издание Федора Михайловича Достоевского.

Клиент – богатый берлинский немец. И семеро гостей разного пола. Естественно, русское меню: икра, водка, *pirozhki* + единственное горячее блюдо в моем исполнении – осетрина на Достоевском.

Все прошло хорошо. Книга *прочитана* идеально – не быстро и не медленно, минимум дыма. Классика. Я был в форме. Умение повара листать горячие страницы, чтобы поддерживать равномерный огонь – одна из важнейших составляющих нашей профессии. Мы переворачиваем их специальной металлической полоской в форме меча, называемой в нашей среде “эскалибур”. У каждого повара эскалибур свой, сделанный на заказ. После последнего обыска в Пало-Альто я пользуюсь новым – титановым, с костяной ручкой.

Мой меч не подвел меня и в этот раз.

Восемь шампуров с нанизанными аппетитными кусочками осетрины были поданы мною на серебряном блюде без зелени и гарнира. Чистота жанра. И “Редерер” года моего возмужания.

– Von appetit! – сдержанно пожелал хозяин гостям.

Предшествующий светский разговор, комментарии к моим манипуляциям над жаровней, возгласы и междометия – все смолкло, когда перед каждым на тарелке оказался шампур с еще шипящим шашлыком за 5000 фунтов + возможным пятилетним сроком заключения. Эти две цифры я различал в значках гурманов. Бело-янтарная, покрытая золотистой корочкой осетрина исходила дымком.

В полной тишине восемь бокалов сошлись, прозвенели. Пригубив шампанское, дамы и господа взялись за столовые приборы. Скрипнули ножи, вилки отправили первые кусочки дымящейся осетрины во рты.

И – еле слышные звуки осторожного жевания.

Дамы и господа жевали криминал.

Этот звук и это напряженное молчание – ни с чем не сравнимы. Незримая награда, не измеряемая деньгами и риском. Это наша *конкретная* музыка. Кейдж позавидовал бы.

Все последующее было предсказуемо: возгласы и стоны, нервные шутки и похвалы мне, стоящему в белом у жаровни:

– Маэстро, вы превзошли себя!

– Сюзанна, ты чувствуешь запах ста тысяч, брошенных Настасьей Филипповной в огонь?

– Милый, сколько же сегодня сжег ты для меня?

– Барбара, мы с тобой преступницы!

– Ах, в этой рыбе привкус безумия!

– Томас, стыдно признаться, но я впервые ем и осетрину!

Милая, незатейливая буржуазия, механически следующая за модой. Самые спокойные и предсказуемые клиенты.

Ночь: клуб BLEIBTREU; текила со льдом после легкого ужина + сигара Arturo Fuente Opus X.

Вообще я мало пью. И не курю. Но после удачного *чтения* могу позволить себе хлопнуть пару стаканов текилы со льдом + выкурить доминиканскую сигару. Текила со льдом – напиток бодрящий, легкий и освежающий. И доминиканские сигары гораздо приятнее кубинских... Relax, relax, book'n'grill chef.

10 000 фунтов за вечер – неплохой навар. Мой прайс уже обогнал стоимость книги. Это знак качества. А когда растёт прайс, вместе с ним растёт и чувство *глубокого* удовлетворения. Статус, статус book'n'grill chef. В общем, я доволен. И профессией, и судьбой. Хотя не все в моей жизни было гладко. Но шрамы для нашего брата book'n'griller – привычное дело.

Попыхивая сигарой, достаю пачку красивых полупрозрачных английских банкнот с самодовольной физиономией короля, вынимаю одну, складываю из нее тельца. Кладу в пепельницу и поджигаю. Это – жертва благодарения цифровому миру, обеспечившему нас работой. Я совершаю этот ритуал каждый раз после удачного вечера. Современные купюры горят отвратительно, приходится поджигать и поджигать...

Если бы люди продолжали печатать и читать книги до сих пор, я бы в лучшем случае жарил доряду на гриле в каком-нибудь курортном отеле, в худшем – варил спагетти в забегаловках родного Будапешта. И шеф-поваром я не стал бы никогда: не умею руководить людьми. Но, слава Огню, уже давным-давно встал и ржавеет мировой печатный станок. Эпоха Гутенберга завершилась полной победой электричества.

В нашем мире продолжают печатать только деньги. Даже марки почтовые ушли в небытие. А купюры – живы...

В отличие от книг, деньги плохо горят. Поэтому на них и не жарят.

Удивительно, что наличные еще до сих пор в ходу. О, Ассигнация! Ты оказалась невероятно устойчивой в океане электронных вспышек.

И все же: да здравствует Литература!

С тех пор как человечество перестало печатать книги и навсегда сделало лучшие из них музейными экспонатами, book'n'grill появился на свет. Люди всегда тянутся к запретному плоду. Девяносто процентов отпечатанных человечеством книг были сданы в утиль или просто выброшены на помойки, чтобы не занимали пространство в квартирах. А вот оставшиеся десять, осевшие в музеях и библиотеках, вдохновили лучшую часть человечества на удивительную страсть. Первый стейк был зажарен двенадцать лет назад в Лондоне на пламени первого издания “Поминок по Финнегану”, выкраденного из Британского музея. Его приготовили и съели четверо великих мужей – психоаналитик, флорист, биржевой брокер и контрфаготист. Так родился book'n'grill. Это положило начало великой страсти, ставшей за эти стремительные годы великой традицией...

Мда, англичане в ту пору оказались “впереди планеты всей”. Четверку джентльменов, подаривших миру новую моду, тогда окрестили “новыми битлами”: трое из них совпадали именами с ливерпульской четверкой: Джон, Джордж и Пол. Контрфаготиста звали Грегор. И те, и нынешние стремительно ворвались в послевоенный европейский мир. Да, после войны всем, всем вдруг отчаянно захотелось *почитать*. Руки взломщиков потянулись к книгохранилищам, а гурманы и золотая молодежь – в первые подпольные *читальни*. Потом туда хлынули и обыватели. Это были золотые времена... Те, кто оказались тогда в нужном месте, срубили бабла по полной: второсортный повар, взятый из уличной забегаловки, за пару месяцев делал себе состояние. Мда, родился я лет на пять пораньше... В те сумасшедшие годы замороженный процессом народ не обращал внимание на качество. *Читали* тогда, что называется, “по диагонали”: дым, копоть, воспарения. О качестве еды и говорить нечего: богатые дурачки, в одночасье ставшие гурманами, глотали сухой стейк из солнечника на “Старике и море”, спаленную аррачеру на Дос-Пассосе и недожаренную свинину на “Швейке”...

Но уже через полгода, когда грабежи музеев и библиотек по всему миру стали заурядной новостью, человечеству пришлось объявить book'n'grill преступлением не только против культуры, но и против цивилизации в целом. Топор закона навис не только над поварами, книжными ворами и клиентами, но и гостями, возжелавшими попробовать каре барашка на “Дон Кихоте” или стейк из тунца на “Моби Дике”. Первые судебные процессы были громкими и, естественно, завершились суровыми приговорами: человечество берегло свое культурное наследие. Просвещенная часть человечества испугалась, что без музейной книги Homo sapiens окончательно превратится в обезьяну с айфоном в лапе. Так книгу занесли в Красную книгу.

И – прекрасно. Это сразу удешевило цену за book'n'grill. Дилетанты отсеялись. *Читать* стали настоящие профессионалы. Появилась Кухня с традицией, ритуалом, иерархией, финансами, службой безопасности. Но и риск возрос. Люди стали получать крутые сроки. Подпольных поваров вообще вначале запихнули в реестр международных террористов. Это был, безусловно, перебор, но криминальный шлейф протянулся за нами, похоже, навсегда. И нам уже не отмыться, господа. Мы – кометы book'n'grill, и назад нет пути. На личном опыте признаюсь: кто держал шипящую говядину над пылающим Шекспиром, купленным под дулами пистолетов, кто стоял в белоснежном колпаке, глядя на лица внимательно жующих толстосумов, аристократов, политиков, бандитов и актеров, кто получал увесистую “котлету” в конверте за свой труд, – тот никогда уже не встанет к плите в обычном ресторане. И над всей этой роскошью нависает топор закона. Пар от шипящих стейков конденсируется на его холодном лезвии, капли предупредительно падают нам на головы: кап, кап, кап... 6 лет, 9 лет, пожизненная... Меня эти капли уже не пугают, но дисциплинируют. Я опытный, *поджарый* зверь. Слежу за своей формой, оглядываюсь, принимаю, делаю петли, заметаю следы. Риск, риск. Но что такое жизнь без риска? Овсянка с джемом, заурядная работа за заурядную зарплату, пенсия, старость, могила...

Сигарный дым, хорошая музыка + красивые женские фигуры в полумраке вызывают прилив воспоминаний. Помню мою первую гриль-парти. Послевоенная Варшава, *походная* кухня в бетонном подвале, стол, сервированный на троих, зев полукруглой жаровни, три перепелки, распластанные на решетке, мои руки в белых перчатках, вынимающие из чехла “Записки охотника”, старик Zokal, стоящий рядом, ободряющий прищур его заплывших глаз: “Мой мальчик, все будет хорошо”. Он выпускал меня в свободное плавание. Это был мой диплом book'n'griller.

– Молодой человек, вы первый *русский* повар, которого я встречаю, – произнесла тогда дама, узкое лицо которой я никогда не забуду.

– Надеюсь не разочаровать вас, мадам, – ответил я в духе моего любимого Дживса, хотя внутри у меня все тряслось.

Книга была украдена у одного львовского букиниста, причем вору пришлось слегка проломить ему башку. Слава богу, он выжил, на *мокрых* книгах жарить у нас не очень принято.

Мне повезло тогда: Тургенев горел превосходно, мой первый серебряный эскалибур мелькал и сверкал, перепела шипели, клиенты наслаждались зрелищем. Spectacle в нашей профессии не менее важен, чем результат. Клиенты хотят видеть завораживающее огненное шоу, без дыма и вони. Как наставлял нас Zokal: “Помните, вы должны создать и поддерживать в жаровне процесс, напоминающий пролет колесницы Юпитера по утреннему небу!”

Половину долларовой “котлеты” я отдал тогда учителю. На другую половину, как водится, устроил вечеринку для бывших поварят из гнезда Zokal. Мы сняли за гроши какую-то ржавую баржу, поставили на палубе стол, завалили его снедью и выпивкой, наняли двух аккордеонистов и поплыли по Висле. Из семи поварят я был единственный *русский*. Трое жарили на английских книгах, двое на французских, один на испанских. Надо мной хоть и подтрунивали, но уважительно: я рисковал, *русский* гриль тогда еще не был раскручен. Великие мастера Мohno и Рубинштейн тогда еще только начинали заявлять о себе. Но проницательный Zokal мудро сориентировал меня: русская литература. И как я ни упирался, он меня уговорил. По-отечески: пара затрещин помогла. Миф русской литературы оказался сильнее моих страхов. И все получилось у поваренка. Он стал трехзвездным.

В ту звездную ночь на Висле я страшно напился и блевал в реку...

Четырехгрудая татуированная девушка с длинной шеей и вытянутой дыней головой подсаживается ко мне, на тайском английском предлагает мне скрасить одиночество. Отвечаю, что предпочитаю классику.

Она молча уходит, цокая светящимися копытцами. И сразу же подваливают две *обычные* местные:

– Na Süßer, so einsam? Brauchst du Gesellschaft?¹

– Warum nicht? Setzt euch doch, Mädels².

Садятся. Одна кладет мне руку на пах:

– Wie geht's deinem Yul Brynner?³

Грубоватый берлинский стиль. Он мне по душе.

– Ganz gut! Er wartet auf euch⁴.

Вообще, помимо главного языка мира, я сносно говорю по-французски, по-немецки и по-баварски, неплохо знаю венгерский и польский, а при помощи блохи свободно читаю еще на двенадцати языках. Вот с устным русским у меня проблемы. Это естественно – встретить русскоговорящего человека теперь уже трудно. Я помню русских только в детстве, когда они приезжали к нам в Будапешт за работой. Им было тогда трудно, их титаник “Постсоветская Россия” тонул. Мальчиком я услышал от одного пьяноватого русского что-то вроде исповеди. Он сравнивал русских с евреями: одних Бог лишил родины и рассеял по миру за то, что они распяли Христа, других – за то, что они распяли Человека. “Мы распяли в себе самих себя, распяли! – повторял он. – За это Россию засасывает черная дыра!” Признаться, я тогда не понимал, что он имеет в виду. Позже мне стало ясно. Но потеряв свой мир, русские быстро ассимилировались. И устроились не хуже других, надо сказать: трое известных book’n’grill chefs, жарящих исключительно на английских романах, – с русскими фамилиями. А перед одним из них – Лео Волкофф – я готов опуститься на колено. Этот парень моложе меня на десять лет, но уже стал звездой на нашей Кухне. Его прошлогоднее рождественское меню на Вирджинии Вульф не имеет аналогов – серия тончайших букетов, составленных из филе диких птиц и речных рыб, овощей, фруктов и запеченных с виртуозным мастерством. Говорят, когда под “Гимн Деве” Бриттена в жаровне Лео пылал “Орландо”, дамы плакали. Есть, есть на кого равняться...

¹ Скучаешь, сладкий? Нужно общество? (нем.)

² Почему нет? Присаживайтесь, девочки (нем.).

³ Как твой Юл Бриннер? (нем.)

⁴ В норме! Ждет вас (нем.).

Но шаг в сторону от вершин – возможен.

Как говорил Zokal – раз в жизни позволительно пожарить и на пошлятине, но только не на литературе второго сорта. Парадоксальное, но мудрое напутствие! Учитель наш был суров.

Что такое пошлятина?

Трубач (скрипач) на крыше, его острый и независимый профиль на фоне пламенеющего заката (восхода); грустный (веселый) клоун, настоящие слезы (улыбку) которого никто никогда не увидит; молодая (пожилая) героиня, мучительно вглядывающаяся в окна уходящего (прибывающего) поезда и повторяющая, словно в бреду: “Он все-таки уехал (приехал)”.

А литература второго сорта?

Массивный и невозмутимый, как каменная глыба, бармен с неизменной зубочисткой в зубах, протягивающий десять долларов Стивену со словами: “Ступай, засранец, купи себе чего-нибудь пожарить”; голый невзрачный мужчина, теребящий член перед зеркалом и шепчущий: “И за что же, сука, ты меня предала?”; девушка с мальчишеской прической, везущая чемодан к автобусной станции по громкой брусчатке и яростно бормочущая: “О, я вернусь, вернусь, но только для того, чтобы плюнуть на ваши могилы!”

Заказав девкам коктейли, договариваюсь о цене. Как и большинство *читающих* поваров, я холост. Расхожее мнение, что все *book'n'grillers* сплошь голубые, не соответствует действительности. Банальщина. Так обыватели уже триста лет судят и о балетных трупках. Голубых у нас не более, чем в любом мужском корпоративном сообществе.

Я же предпочитаю вьетнамских девок. Но сегодня сойдут и европейские.

Через полчаса мы уже были в отеле, где женщины сделали мне *похорошо*, оплаченное добротной английской валютой.

14 марта

Утро: началось с ванны, завтрака и поездки за товаром. *Дрова* мне подвозят туда, где назначу. Когда был обычным поваром, мотался по подпольным рынкам. И схлопотал-таки на книжном развале в Падуе пару пуль в плечо. Которое теперь регулярно ноет к непогоде. Нынче – статус другой, могу себе многое позволить. Я только выбираю, *почтальоны* доставят книгу в нужное место. Букинисты у меня хорошие, уже два года с ними работаю. Еду сперва на метро, потом беру такси прямо на улице. Выхожу. И снова ловлю такси. Старомодно. Это – из моего прошлого, когда купленные книги возил сам. Дикие были времена...

С дорогой лучше подстраховаться. Я вообще перестраховщик. После тех двух пуль, трех обысков, двух перестрелок, трех “кукол”, четырех мордобоев... Береженого Бог бережет.

Кройцберг. Подземная парковка. 4-й уровень, машин нет.

Мои *умные* блохи помогают мне. Их у меня три: красная, синяя, зеленая. Красная – самая важная, она ведает моим психосомо + вписывает меня во время + делает меня умнее; дорогая игрушка, 7-я версия, за сто тысяч новыми прыгнула в варолиев мост моего мозга полгода назад. Синяя, навигационная, пасется в волосах. Зеленая, информационно-коммуникативная, живет в ушной раковине. *Мягкими* ручными умницами я давно уже не пользуюсь. Весь навороченный блошинный комплекс обошелся мне в полтора годовых дохода. Но благодаря своим блохам я по сей день жив и здоров. К тому же теперь у меня в голове есть ВСЕ. При блошиной помощи я могу прочитать лекцию по новейшей теории Темных Полей, подробно рассказать обо всех известных апокрифических Евангелиях, опровергнуть уравнение неопределенности Шрёдингера при помощи формулы Камеямы или дать исчерпывающий ответ о технологии изготовления *умного* теста или самих этих блох. Сам же я вряд ли уже смогу помножить 17 на 19 и не вспомню, что такое интерференция. Так нас учили в школе, что поделаешь. В общем, всему лучшему в поварской жизни я обязан своим блохам: подскажут, предупредят, спасут.

Они видят не только окружающих людей, но даже насекомых. Много раз блохи предупреждали меня о реальных блохах и вшах, оставленных нечистоплотными посетителями в ресторанах. После войны их предостаточно. В одном афинском отеле они спасли меня от клопов.

Сейчас блохи цвиркают: все чисто.

Минуты не прошло – появляется белый джип букинистов. И тут же черный джип охраны. Синяя блоха пищит опознавательно. Чисто. Выхожу из-за бетонной колонны. Охрана высыпает, пищит своими умницами. Смешно смотреть старые блокбастеры, когда в руках у охранников были пистолеты. Теперь в этом нет нужды. *Мягкий* друг в руке нынче важнее пистолета...

Букинистов двое – Марсель и Валид. Первый – марокканец, второй – египтянин. Русские “дрова” они возят уже лет пять. И очень поднялись, надо отметить. Мода, мода... Конечно, если такие мастера, как Рубинштейн, Волкофф, Мацудзава, формируют ее, как тут не подняться?! Да и я тоже – не из последних. Марсель с Валидом на мне неплохо зарабатывают. Надежным букинистам я щедро плачу. Они стоят того. В нашем деле лучше переплатить.

– Bonjour, Geza!

– Salut, les mecs!

– Ça va?

– Nickel!

С ними я говорю по-французски. Марсель коренастый, бритоголовый. Валид худой и тоже бритоголовый. Хорошо одеты, следят за собой. Без слов открывают багажник джипа. Там два металлических кофра. А я надеваю белые перчатки. Цветные, татуированные пальцы букинистов щелкают замками:

– Voilà!

Сегодня в этих кофрах Чехов и... Чехов. Чехов! Только Чехов. Два собрания сочинений + отдельные издания рассказов в бумажных обложках. Они идеальны для быстрого *чтения* — криветки, лягушачьи лапки, поросычьи уши... На Чехове я жарю всегда с удовольствием. Легкий автор. В свое время он был массовым писателем и выходил на недорогой бумаге средней толщины. С ней проблем нет, она горит не быстро и не медленно. Это хорошо для мясных блюд. Но брать собрание сочинений не входит в мои планы. Стиль этих двух ребят – показать сперва что-то новенькое, удивить клиента, а потом – впарить. Хотя заказ был другой. С ними не соскучишься.

– Почем “Степь”? – беру и открываю книгу 1908 года издания.

Как от нее пахнет, боже мой! Я люблю раскрыть *полено*, втянуть носом запах освинцованных страниц. Навсегда ушедший мир... “Осенние сумерки Чехова, Чайковского и Левитана...”, как писал поэт и тут же подсказывает блоха. Все-таки жаль, что не принято жарить на поэзии: я бы с удовольствием отгрохал классный банкет на раннем Пастернаке.

– Две тысячи.

– А “Шведская спичка”?

– Пятьсот.

Торгуемся. Покупаю “Степь” (на ней сделаю хороший стейк для одного американца) и четыре отдельных издания рассказов (пригодятся на парижских гастролях). Не спрашиваю о заказе. При общении с букинистами нужна выдержка и неторопливость. Если будешь суетиться – цены враз поползут вверх.

Держу паузу.

Валид с Марселем переглядываются. Достают еще один кофр, маленький. Щелчок замка – и вот оно: первое издание “Мертвых душ”. Я ждал эту вещь четыре месяца. Беру книгу в руки. Она в хорошем состоянии, цельнокартонный переплет, желтая веленевая бумага. *Полено* будет иде-е-е-а-ально для рибая и для любой рыбы. За *чтение* на “Мертвых душах” можно легко слупить штук 15. Теперь – спокойно, без суеты и притворства. Мои букинисты – профессионалы, их на блефе не проведешь. И сперва их обязательно надо похвалить:

– Прекрасно, парни! Крутая книга! Чувствую, вам пришлось потрудиться?
Они самодовольно переглядываются.

– Без труда такую красотку не заарканишь, – Валид усмехается, обнажая ослепительные зубы.

– Мы пасли ее полгода, – произносит Марсель так, словно в кофре лежит уссурийская тигрица.

Но это и есть тигр в переплете из слоистого картона, занесенный в Красную книгу всех библиомузеев мира. Листаю страницы:

– Надеюсь, в этот раз обошлось без членовредительства?

– Не надейся, Геза! – смеются.

– Опять кровь?

– Просто пара ударов по печени.

– Опять? Ну-ну...

Мда, в нашем мире отдельные люди все еще дорожат книгой и не доверяют раритеты музеям. Хранят на свой страх и риск. А букинисты доверяют мне. Но лучше не лезть в подробности – крепче будет сон.

– Сколько?

– Пятнадцать.

Я умею торговаться. Еврейские гены. Спокойствие. Выдох. Неторопливое перелистывание нежнейших страниц цвета чайной розы:

– Парни, эта книга стоит не пятнадцать (пауза), а двадцать штук. Но если бы вы попросили двадцать пять и они были бы у меня сейчас, я бы не торгуясь отдал их. Это – реально крутое *полено*. Дело в том, что у меня сейчас всего тринадцать. Сезон не очень доходный, признаться. Личные проблемы, пришлось потратиться. Три штуки готов отдать за Чехова. Это – черный хлеб, быстрый походный гриль. Остается десятка. Могу не покупать Чехова и бухнуть все на Гоголя. Могу и... просто облизнуться.

Они думают. Подстегиваю:

– Вечером я улечу из Европы. На ближайший месяц у меня дровишек хватит. Подумайте. Марсель наносит ответный удар:

– Геза, Джексон или Борислав дадут за “Мертвые души” пятнадцать штук не торгуясь.

Парирую:

– Дадут! Но Джексон сейчас завис в Аргентине с лионской библиотекой, а Борислав уже вторую неделю *читает* собрание Толстого для трех французских семей. И это надолго. Он медленный *читатель*, вы знаете. Старики заняты, а молодежь успешно жарит на дешевом Серебряном веке: Сологуб, Белый, Мережковский... У них горит хорошо и без Гоголя. Молодые такое *полено* не потянут. Подумайте, парни.

Пауза. Молчат. Им и переглядываться не надо.

– Четырнадцать, Геза.

– Парни, тринадцать – и по рукам.

Недолго жуют губы.

– D'accord.

Жму руку Валиду. Передаю ему деньги. Марсель *мнет* умницу, и через несколько минут въезжает бронированный хаммер “почтальонов”. Охрана выходит, пищит умницами. Вылезает почтальон. Почти всегда они разные, сеть их “почты” покрывает мир. Сегодняшний почтальон – невысокий парень мексиканской внешности. Лицо его не выражает ничего. Почтальоны надежны, ибо живут за счет нас – букинистов и поваров. Суровость и беспощадность их по отношению к книжным пиратам стали притчей во языцех. С одного румына, изготовившего у себя в подвале “первое издание «Дон Кихота»”, они живьем содрали кожу, сделали из нее

переплет и положили книгу в гроб несчастному – под голову. В книге на всех страницах было напечатана одна фраза: *Anathema maranatha*. С ними лучше не ссориться...

Блоха моментально согласовывает место и время по нашему кухонному листу ожидания. На “Мертвые души” клиент нашелся в секунды. Сообщаю мексиканцу место и время доставки. Мой график расписан на четыре месяца вперед. (А у великого Волкофф – на два года!) Цены у почтарей по Европе стабильные, торговаться не приходится:

- Штука + прогонные.
- D'accord.

По ритуалу я должен передать “посылку” почтальонам в присутствии букинистов. Причем букинисты должны стоять за моей спиной с поднятыми *зелеными* умницами, этим гарантируя подлинность товара. Так и происходит. Содержимое кофра почтарям никогда не показывается. Серебристый чемоданчик с “Мертвыми душами” передается в мексиканские руки.

Через десять дней он должен всплыть в Трансильвании.

Жмем друг другу руки, расходимся.

День: ланчую в суши-баре отеля, заказываю такси, еду в аэропорт.

Берлин мне нравится своим пространством и городской неагрессивностью. Несмотря на распаханность – спокойный город. Пережил все войны. По спокойствию он похож на Будапешт, но гораздо разнообразнее: турецкие, арабские, русские, китайские районы. Я *читал* здесь уже раз сорок, и все удачно. Публика спокойная, респектабельная...

А ведь в нашей профессии неожиданности – обычное дело. Мы всегда готовы к потрясениям. В Гуанчжоу одна пара, сбросив одежды, улеглась на стол и стала совокупляться, поедая чизбургер, приготовленный мною на “Лолите”. С “Мадам Бовари” у одного повара в Марокко было еще круче – *amour à trois*. И ставшее уже печально знаменитым убийство клиентом своей беременной жены и тещи на чтении по “Преступлению и наказанию”. Из-за сумасшедшего идиота с топором достойный повар получил пятнадцать лет.

Аэропорт берлинский тоже дышит пространством и покоем...

Вообще, аэропорты, отели, вокзалы, пункты проката машин – для нас очень важны. Это, конечно же, не родные дома, но хотя бы – прихожие... Уже девятый год как у меня нет постоянного угла, есть лишь несколько чемоданов с одеждой и оборудованием, которые кочуют со мной по миру. И так живет каждый *book'n'grill chef*. Шесть паспортов на разные имена, мои пальцы могут менять отпечатки как перчатки, прошу прощения за каламбур. Со мной три блохи, мои верные сторожевые сучки. Благодаря такому образу жизни, я до сих пор на свободе. Это – чудо. Но оно не может длиться вечно. Поэтому на безопасность я отстегиваю прилично: технологические совершенства, экстрасенсы, астрологи, обереги, молитвы монахов, подкуп чиновников в департаменте по борьбе с *book'n'grill*.

Зеленая блоха шепчет о начале регистрации на рейс, шлет сводку погоды в Токио, уточняет дальнейший маршрут. Синяя пищит о коридоре безопасности, свидетельствует о благоприятном расположении небесных тел. А красная, мозговая, просто делает мне *похорошо*.

Самолет полупустой. Похоже, великое переселение народов после Второй исламской революции и последующей за ней войны уже завершается. Это прекрасно: нам, поварам, спокойнее работать. Во времена революций и войн не до гурманства – народ хочет элементарно жрать...

Заказываю себе традиционный яблочный сок с газированной водой. В иллюминаторе – высокое небо над океаном облаков, напоминающих мозг Бога. Верю ли я в него? Трудно сказать... Скорее, я верю в изгибы своей судьбы, образующиеся под воздействием внешних и внутренних (моих) сил. Во внешних силах иногда присутствует нечто светящееся в белом. Назовем его Фатум. Природа его мне до сих пор неясна. Но я его *чувствую*. Возможно, он состоит из Темной материи, на которую сейчас принято все валить. Исламскую революцию

некоторые эзотерики тоже объясняли влиянием Темной материи. Правда, политики к ним не очень-то прислушивались: против влияния Темной материи человечество пока предпочитает применять бомбы...

В общем, пока я верю в Провидение и в своих трех блох.

Моя судьба извилиста. Я родился в Будапеште тридцать три года назад в семье белорусского еврея и польской татарки. Родители мои бежали: отец от православных фундаменталистов, мать – от исламских. Те и другие бородатые мракобесы хотели от населения любви и понимания, поэтому бомбили, жгли, резали и расстреливали нещадно. Родители встретились в венгерском лагере для беженцев, а потом обосновались в Будапеште, к счастью тогда оккупированном американцами. Вообще, Будапешт у родителей моих был синонимом счастья – спасение от мракобесов, любовь, рождение первенца, остров благополучной жизни, Sziget-фестиваль, где они танцевали обнявшись. Наверно, поэтому они и дали мне венгерское имя – Геза. Хотя мать объясняла это просто красотой звучания. Отец же никак не мог это объяснить.

Фамилия моего отца – Яснодворский – связана не с дворянскими родами поляков или русских, а с литовско-белорусским местечком Ясен Двор, где триста лет проживали наши еврейские родственники. Они дважды оттуда бежали: в 1906 году, после еврейских погромов, и в 1941-м, спасаясь от эсэсовской айнцакоманды. Но потом возвращались в своей милый Ясен Двор, где, по словам прадедушки, “каждой весной так пахнут яблоневые сады и переполненные сортиры, что просто-таки натурально сходишь с ума”.

Мой отец был известным в Белоруссии антропологом, весьма рано сделавшим себе карьеру профессора на древнеславянской теме. Будь он попластичней, то никуда бы не убежал от “этих бородатых мудаков”, а спокойно тянул свою академическую ляжку, благо тема его была им идеологически близка. Но его выступление на парижской конференции антропологов “О готских корнях белорусов” потрясло антропологическое сообщество и вызвало вопросы у минского православного КГБ. С папашей мягко поговорили, попросив на следующей конференции в Любеке дезавуировать собственные изыскания. Пойти на это он не смог “чисто по научным соображениям”. Будучи тогда человеком бессемейным, папаша, не доехав до Любека, сошел с поезда и добрался до венгерской границы. Почему он не остался в Пруссии? Внятно объяснить это отец мне не мог, отшучивался: чтобы встретиться с твоей мамой. На самом деле, просто его знал и любил ректор Будапештского университета, и кафедра антропологии сразу же дала ему профессорское место. Свои лекции он читал по-английски. Дома мои родители говорили исключительно по-польски. По-русски и по-белорусски отец только ругался. По-венгерски он знал несколько слов. Как говорится: “nem tudom, и то с трудом”. Родившись, я жил в двуязычном пространстве. Но проучился в венгерской школе только четыре года: американцы после печально знаменитого Трансильванского мира покинули страну, и вторая волна Второй исламской революции накрыла Восточную Европу и нас. Мы бежали. На этот раз – в Баварию, которая принимала восточноевропейских беженцев. Полгода мы скитались, затем отец получил-таки хлипкое местечко доцента в университете Пассау, а мать устроилась туда же в профессорскую столовую. Она прекрасно, надо сказать, готовила, и кулинарные способности мои – от нее. Отец был способен приготовить только два блюда: яичницу и картошку в мундире...

За три года жизни в Пассау я научился говорить по-немецки и по-баварски, играть в баскетбол, Blub, Red Lizard, Дйдыл, водить танк, ставить мины и разминировать, стрелять из пистолета, винтовки, автомата и пулемета. На мое четырнадцатилетие отец сделал нам с мамой “подарок”: влюбился в свою коллегу, старше его на восемь лет, и вместе с ней уплыл в благополучную Австралию. Мать это сильно подкосило, и она запила, хотя раньше прохладно относилась к алкоголю. Она была сдержанной мусульманкой из интеллигентной семьи крымских татар, осевших в Кракове в начале века после захвата русскими Крыма, запрет на алкоголь ее никогда не касался. Больше всего ее угнетало, что отец выбрал “старую академическую клячу”.

– Если бы он сбежал с молодой – я бы поняла и простила, – говорила она. – Но с этой?!

Мама подседа на страшный коктейль, за полгода сделавший из нее алкоголичку: апельсиновый сок с баварской фруктовой водкой под названием *Himbeergeist*, в переводе неприлично звучащим как “Малиновый дух”. Этим малиновым духом пропахло мое отрочество. Безусловно, маме было отчего запить: драматическая актриса, брошенная мужем на чужбине с подростком, вынужденная зарабатывать кухаркой. В Варшаве она играла в театре роли вторых планов. Звездой сцены она не была. В Будапеште из-за незнания венгерского ей пришлось забросить свою профессию, в Баварии в те суровые времена было не до театра, хотя один раз мама сыграла саму себя, то есть восточноевропейскую беженку, в одном пропагандистском ролике. После бегства отца маме не везло и на мужчин, хотя она была вполне симпатичной женщиной. Но почему-то баварские мужики ее сторонились. Наконец один рано поседевший серб-ветеран из военизированной охраны университета положил на нее свой единственный глаз, они стали встречаться, но оказалось, что он женат. Маму это не смущало, но выпивать она не перестала. Возвращаясь за полночь от серба, она принимала душ, надевала голубенький халат и со стаканом своего “духовного” напитка, как в ванну, садилась в голограммы. Ванны, кстати, у нас в Пассау не было... Ее быстро пьянеющее лицо в светящейся мешанине известных людей, дворцовых интерьеров и тропических пейзажей – мое стойкое детское воспоминание, от которого уже никогда не избавиться. Мне сильно не хватало отца, поэтому с матерью я был колючим, вечно ей противоречащим подростком. Когда она кричала на меня, я комментировал: “Громче, мама, громче!” Когда грозила: “Выгоню на улицу!” – демонстративно собирал свой зеленый рюкзак. Когда запирала в кладовке, чтобы “подумал о своем поведении”, отзывался через пять минут: “Мама, я в темноте такое придумал, хочешь, расскажу?” Когда за провинности она лишала меня *мягкой* умницы, как в старые времена лишали детей сладкого, я брал кусок пластилина, садился напротив мамы и сосредоточенно давил на пластилин пальцами, имитируя мою любимую игру *Red Lizard*. Однажды во время обеда она попрекнула меня дармоедством. Я сунул себе два пальца в рот. Больше мама меня не попрекала. Иногда я откровенно изводил ее, о чем сейчас жалею. Но, несмотря на все мои выходки, мать ни разу не подняла на меня руки.

– Геза, ты вырастешь идиотом, – повторяла мать.

– Мама, в папу или в тебя?

А на пятнадцатилетие уже мама в свой черед преподнесла мне “подарок”: попала под военный джип на тихой улочке возле университета. Причем она не была пьяна. Был пьян водитель джипа. В клинике она прожила недолго, тем более что баварские врачи несильно тратились на беженцев – новой печени для мамы не нашлось. Сидя в палате реанимации напротив нее, я не испытывал никаких чувств. Случившееся с ней казалось мне частью нашей глупой, бездарной и безумной жизни, к которой я уже привык. На похоронах у меня не было слез. Всплакнула только мамина партнерша по работе на кухне, очень толстая баварка. Одноглазый любовник-серб стоял как столб. Отец, естественно, не прилетел на похороны из своей Австралии, отделавшись скромными деньгами. Маму закопали на аккуратном кладбище в Пассау. Слезы пришли ко мне неожиданно, когда вечером дома я вошел в ее старую, довоенную, похожую на ватрушку умницу, липкую от любимого маминого коктейля. Избранная голограмма погрузила меня в мир маминого душевного комфорта. Это был один польский сериал, снятый сразу после войны, – “Новая семья”. Умница доложила, что мама посмотрела его... 65 раз! Она просто купалась в этом сериале. Это история двоих. Он – польский француз, майор, потерявший обе ноги в “бухарестском котле”, герой, брошенный женою, петух, плейбой, алкоголик, дебошир и бильярдист; она – французская иранка, беженка, красавица, потерявшая под английскими бомбами в один миг пол-лица и всю свою семью, устроившаяся в массажный салон, ходящая в маске, живущая прошлым, тщетно собирающая деньги на новое лицо. Оба – огрызки послевоенного мира, скатывающиеся с карусели жизни: он неудачно пытается ограбить подвал с игральными автоматами, бежит, вернее – улепетывает зигзагами на коляске (у

него нет денег не то что на новые ноги, но даже на протезы), скитается, колесит по Лангедоку и становится сторожем на пасеке; она калечит пьяного клиента-лейтенанта, пытающегося ее изнасиловать, тоже бежит и устраивается где-то под Брно в прачечную для *умных* простынь. Днем он сторожит ульи от арабских беспризорников, она стирает *умные* простыни, а по ночам у них много времени, они находят в Паутине целевую игру NOWA RODZINA 4 и начинают в нее играть, встречаются в этой игре, женятся и образуют семью. Ее лицо без маски, признаться, впечатляет: одна половина прекрасная, другая – ужасная, осколок “умной” бомбы вырвал ей скулу. Естественно, в игре они – такие, какие есть, в этом суть: он – без ног, она – без пол-лица. Игра должна им помочь заработать – каждому на свое. Для этого они “заводят хозяйство”, ведут семейную жизнь, переходя на все новые уровни. Днем же течет их реальная жизнь: развешивая *умные* простыни на веревках, она поет грустные песни на родном языке, он же мрачно ездит между синих ульев с автоматом на груди. Его играет классный актер. Она – женственна, трогательна и беззащитна, с нежным именем Лейла. Отличная сцена, когда к нему ночью на пасеку забираются трое арабских беспризорников, он ловит их, фиксирует. Подростки признаются, что они просто хотели попробовать меда. Врут, конечно, они хотели стащить рамки с медом и толкнуть их на базаре. Он понимает, что врут, но вдруг, заперев их в сторожке, при полной луне открывает улей, достает рамку со спящими на ней пчелами, бережно счищает их гусиным крылом, возвращается в сторожку, режет рамку на куски, наливает три стакана молока, отрезает три ломтя прованского хлеба и дает это все воришкам со словами:

– Ваши отцы отстрелили мне ноги, а я вас за это накормлю. Жрите, сорванцы!

Мальчики едят сотовый мед, пьют молоко, он смотрит на них, пыхтя дешевой сигарой. Чувствительная сцена...

Проходит время, и по правилам игры их новая семья должна пройти последнее испытание, чтобы попасть в финал и получить каждый свое. Они должны сделать ребенка, вырастить и отдать в интернат “Новая семья”. Сперва между ними происходит постельная сцена. Диалоги – просто блеск. Она садится на него в своей маске:

– Андре, это делают так?

– Лейла, иногда это делают так.

Ребенок зачат. После девяти дней беременности она рождает мальчика, майор принимает роды, режет пуповину, вытягивает плаценту, обмывает младенца. Затем еще десять напряженных дней они растят мальчика до десятилетнего возраста, учат его читать, писать, пользоваться умницей, играть в шахматы, стрелять из пистолета и автомата. У них все получается, мальчишка огребает высший балл. И они, счастливики, выходят в финал. Им предстоит последнее – уже в реальности добраться до клиники в Риме за сутки исключительно своим ходом или личным транспортом, строго к определенному времени. Он арендует инвалидную машину-развалюху, она берет напрокат скутер. Он доезжает, она же попадает в аварию и оказывается в клинике для беженцев, где ей попросту отнимают ногу, чтобы не возиться с тройным переломом, как теперь часто бывает. Ему же приделывают новые, заработанные ноги. Через месяц он выходит из клиники на своих, попыхивая сигарой. Возвращается в свою часть героем, но на следующий же день напивается в хлам и избивает своего старого приятеля-сослуживца. Его с треском и навсегда выгоняют из армии, он пьет, спит с проститутками и дебоширит в кабаках и бильярдных. Протрезвев, он вдруг вспоминает ее. Что с ней, он не знает. Знает лишь, что она не опоздала, а вообще не приехала в клинику. Он начинает о ней думать, вспоминать, и так это его забирает, что решается разыскать ее. Узнает, что с ней стряслось. Она же, по-прежнему без половины лица и теперь еще без ноги, работает теперь уже в обыкновенной прачечной. Найдя эту прачечную, он ждет конца ее рабочего дня, следит из-за угла. Она выезжает из двери на коляске, на ней все та же маска, левой ноги нет. Она едет по улочке, он идет следом. Она покупает еду, едет к себе домой, он порывается с ней заговорить, но что-то ему мешает. Он провожает ее до убогого квартала, до самой конуры, в которой она ютится. Но так и не решается с

ней заговорить. Идет в кабака, пьет. И судя по выражению его лица, совершает в себе некую работу. Ночью он проникает в ее халупу, усыпляет ее маской, выносит на плече, садится на скутер и отвозит ее в PSG-клинику. В клинике врачам он предлагает сделку: левую свою ногу на ее лицо, а правую – на ее левую ногу. Ноги у него от Vulcanus, они в цене. В клинике идут на сделку: ему ампутируют дорогие ноги, ей восстанавливают лицо и пришивают новую ногу. Она просыпается после наркоза, он въезжает к ней в палату на коляске с букетом тюльпанов. Она молчит, потрясенная. Он кладет тюльпаны ей на кровать. После долгого наркоза она думает, что они еще в той самой бонусной клинике, где им должны все сделать. Она трогает свое новое лицо, смотрит на него:

– Андре... они что... еще не пришили тебе ноги?

– Лейла, не в ногах счастье, – отвечает он.

И вот здесь, на этой дурацкой фразе, я вдруг сильно, по-настоящему разрыдался, слезы ручьем хлынули на мамину умницу, пропахшую малиновым духом, и все текли и текли...

За ту ночь детство вытекло из меня полностью.

Назавтра я собрал свой зеленый рюкзак, сдал ключ от комнаты и двинулся в сторону вокзала. Переходя мост, бросил мамину умницу в Дунай.

Так началась моя кочевая жизнь. Которая продолжается по сей день. С папашей я с тех пор больше не общался. Хотя пару раз читал в Австралии.

Раскладываю кресло и погружаюсь в сон, обеспеченный нежной деятельностью красной блохи. Я заказал ей простые приятные сны. Без ностальгии. Без малинового духа.

Хорошо выспаться в самолете – тоже часть нашей профессии...

15 марта

Утро: небо аэропорта Нарита затянуто облаками. Я прекрасно выспался и готов к подвигам во имя пиромании + гастрономии. В Японии читаю уже двенадцатый раз, как подсказывает зеленая блоха. Мода на русскую прозу никогда не покидала Страну восходящего солнца, так что уместнее говорить уже не о моде, а о традиции. И японские читатели поистине благодарные – почти всегда мне давали приличные чаевые, а один любитель креветок на “Дяде Ване” подарил набор элитных чаев.

Сегодняшнее чтение – трудоемкое. Тройной гриль: “Подросток” Достоевского, “Чевенгур” Платонова и сборник рассказов Зоценко. Соответственно: стейк из мраморной говядины, молодые кальмары, стейк из морского черта. Придется повозиться. Трудности меня возбуждают и мобилизуют.

В аэропорте пересаживаюсь на маленький, уютный джет, присланный клиентом за мной. Блоха синяя цвиркает, что лететь всего 24 минуты. Прекрасно. Взлетаем. Очаровательная стюардесса в пастельно-зеленом кимоно подает японский завтрак: рис, тушеные овощи, чай, мясо краба и натто – заквашенные соевые бобы. Их я обожаю. С горчицей и соевым соусом натто утром бодрит и обещает хорошее настроение. Вообще, японская кухня – одна из моих любимых.

Не успеваю разделаться с завтраком, как объявляют посадку. Смотрю в иллюминатор – летим над океаном. Начинаем снижаться. Вокруг – вода. Вроде сажился не в гидросамолет. Но – мелькнул впереди крошечный остров. И вскоре джет чудесным образом приземляется на его узкой бетонной полосе.

Стюардесса открывает дверь, с поклоном предлагает мне сойти. Блоха безопасности обещает полное соответствие. Вдыхаю влажный ветер океана, схожу, ступаю на бетон. Здесь тоже пасмурно. Ветрено и влажно. Низкие серые облака, ветер мутузит пальмы. Меня встречает лимузин с водителем в красном пиджаке, фуражке и белых перчатках. Берет мой скромный багаж, открывает дверь. Сажусь на бежевую кожу сиденья, мы недолго едем по острову, минуем

ворота, въезжаем на территорию с газонами и садом, подруливаем к дому: широкий, одноэтажный, в классическом японском стиле. Выхожу из машины. Вокруг – сад: *Ginkgo biloba*, *Zelkova serrata*, *Betula japonica*, *Celtis sinensis*. Зеленая блоха любит и знает флору и фауну... У дома – огромный камень, омываемый чуть слышным водопадом и окруженный красивыми суккулентами. На пороге ждет девушка в кимоно. С поклоном приглашает в дом. Прохожу в свою комнату. В ней чисто и спокойно.

Время до работы проходит в мелких информационных попечениях; лежа и полузакрыв глаза, я дою свою синюю блоху, она отдает мне густое сетевое молоко. Затем меня приглашают отобедать. Покормить повара перед работой – святое дело. Меня потчуют все той же овощной закуской, сашими, супом из крабов и гречневой лапшой.

Проходит еще минут сорок, я облачаюсь и отправляюсь, что называется, на кухню. Здесь это просторный зал, с тремя грилями и узким столом напротив. За столом – три стула, сервировка на трех персон, хотя по предварительному договору клиент – один. Уже сюрприз. Ладно, там видно будет... Возле грилей – три металлических кофра почтальонов и три тележки с продуктами. Открываю кофры, достаю *дрова*. Все соответствует. Укладываю каждую книгу на свой гриль. Жарить придется по очереди – сперва бэби-кальмаров, потом морского черта и говядину. Готовлю все для процесса: спички, эскалибур, щипцы, решетки. Ничего лишнего. Все, все должно быть просто, все на виду: огонь, продукт и руки повара.

Кстати, о руках. Люди наивные полагают, что book'n'grill – это миф, созданный криминальным поварским сообществом для тупого зарабатывания денег, что никакого мастерства для этого не нужно и что любой более-менее умелый повар сможет приготовить стейк на “Нагих и мертвых”. Это суждение напомнило мне рассказ одного молодого финского автогонщика по льду, который, услышав в баре насмешливые отзывы о его спорте от одного таксиста, просидевшего двадцать лет за баранкой и уверявшего автогонщика, что нет никакой особой техники езды по льду (да я каждую зиму езжу по льду!) и любой профессиональный водитель сможет так же гонять, просто пригласил таксиста на ледяной трек. Таксист пришел, сел за руль и на втором повороте вылетел с трассы.

Так и вы, господа. Попробуйте! И когда, задыхаясь от дыма и отмахиваясь от пепла, чертыхаясь и проклиная “дурацкую книгу”, вы снимете с решетки почерневший и чуть теплый стейк, вы вспомните арабскую пословицу: легкомысленный человек подобен ослу, решившему пересечь пустыню вместе с верблюдом.

Звенит гонг, бумажные двери раздвигаются, и в зал въезжает инвалидная коляска затейливой конструкции. В ней полулежит японец во фраке, больной, как видно, рассеянным склерозом. Коляска останавливается в двух метрах от меня. Японец невероятно худ, седовлас, с моложавым лицом, черты которого навсегда сползли со своих мест. Глаза его двигаются, руки неподвижны, покрыты полупрозрачными сенсорами.

– Приветствую вас, господин повар, – раздается в зале.

Склоняю голову в колпаке.

– Я рад сообщить вам, что готов насладиться вашим мастерством в полной мере.

Снова кланяюсь.

– Все ли готово у вас?

Киваю.

– Можете ли вы приступить?

– Я жду вашего распоряжения, сэр.

– Приступайте.

Раскладываю кальмарчиков на решетку, зажигаю спичку. Сиденье инвалидной коляски начинает подниматься. Клиент предпочитает наблюдать за процессом сверху. Интересно, как же он будет есть? Кальмары готовятся быстро, Зощенко писал вполне себе короткие рассказы,

но “Голубая книга” немаленькая. 1935 год издания, грубый коленкор цвета сталинского неба. Открываю. Поджигаю титульный лист. И пошло.

Читать надо быстро.

Страницы шелестят. Эскалибур мелькает. Тельца маленьких, нежных существ шипят на огне.

Клиент – в воздухе, его глаза прикованы к жаровне. Тринадцать минут быстрого *чтения* – и я сбрасываю готовых деток кальмаров на блюдо, спрыскиваю их лимоном.

В зале появляются трое молодых японцев в черных костюмах, подходят, садятся за стол. Лица их непроницаемы. Клиент неподвижен на поднятом в воздух кресле. Лишь глаза его пожирают процесс.

Теперь только понимаю, *кто* реально будет есть за него. Японцы всегда немногословны. А я догадлив. Подхожу к столу, ставлю блюдо перед едоками. На столе перед ними уже три бокала с белым вином. Трое начинают есть. Возможно, их рты и желудки снабжены сенсорами, передающими ощущения хозяину. Но тогда бы из бессильного рта клиента хлынула слюна. Нет, он физиологически спокоен. Значит – только созерцание процесса. Да. Он разворачивает свое кресло, смотрит теперь на едоков. Пока они едят, изучаю его лицо. Несмотря на физиономическую смятость, лицо умное. Трое едят, не спеша, пригубивая вино.

Я солю розоватый стейк морской солью. Только с одной стороны.

Стейк, стейк, стейк. По очертанию – как огромная ночная бабочка. Не подведи меня...

Все сложилось удачно, но трудности были: “Чевенгур”, бумага времен Ельцина качеством не отличается, пришлось поработать эскалибуром и даже пару раз отсасывал дым: fucken корешок + марлевые клапаны задымили. Мои пальцы *правильно* двигались. И подавили бунт на корабле...

Я разрезал готовый стейк на три части, спрыснул лимоном, крутанул мельницу с белым перцем. Два раза, не больше.

Подаю:

– Стейк из морского черта на “Чевенгуре” Андрея Платонова.

À propos, дикция у book’n’griller тоже должна быть на уровне.

Скрипнули ножи. Трое непроницаемых. Жуют. Молча, молча, молча. Картина Сезанна: “Едоки морского-черта-на-Чевенгуре”. Коляска клиента подъезжает к ним, кресло выдвигается. Перекошенное лицо приближается к едокам, словно объектив телекамеры. Они сосредоточенно жуют. А он смотрит на них в упор.

Мда... Сцена, признаться, впервые в моей практике. Но удивление для нас – слишком большая роскошь. Профессионал не должен себе ее позволять. Я невозмутим и доброжелателен, как бессмертный Дживс.

Процесс продолжается.

Мраморная говядина на “Подростке”. Стейк приличной толщины, это не аррачера. Книга в бумажной обложке. Внутри – тонкая любская бумага конца XIX века. Придется читать максимально быстро, “по диагонали”. Такое чтение – высший пилотаж, мастера любят жарить на тонкобумажных книгах, потому что это – чрезвычайно показательный процесс. Главное – найти оптимальную скорость горения страниц. Это определяется чисто интуитивно. Лихое чтение. У нас это называется “пыхнуть в глаза”. Но можно так пыхнуть, что книга сожжена, а стейк сырой. Плаха! И покатится голова в белом колпаке...

Но я пыхнул в глаза. В буквальном смысле. Клиент максимально приблизил свое лицо к жаровне, сполохи пламени плясали в его зрачках. Мои руки не дрогнули, “Подросток” отдал свое тепло широкому и толстому стейку, пронизанному мраморно-жировыми прожилками. Запах жареного мяса наполнил зал. Вытяжка, естественно, в нашем деле невозможна: малейший ветерок сверху способен разрушить все. Поэтому book’n’grill всегда осеняет это голубоватое облако. Назвать его дымом не повернется язык. Это облако – облако, рождающее шедевры

подпольной кухни. Оно клубится и пахнет преступлением. Готовый стейк выплыл из него на белом блюде.

Объявляю.

Но когда трое принялись за него, из глаз клиента вдруг потекли слезы. Покончив со стейком, едоки встали, поклонились и молча удалились.

Мы остались одни – неподвижный плачущий клиент в своей коляске и я.

Жду похвал-замечаний + вопросов + комментариев + гонорара.

Клиент молчит. Слезы его беззвучно стекают по подбородку.

Пауза затягивается.

Но вот наконец:

– Вы бывали в токийском русском ресторане “Семь самоваров”?

Я думал, он спросит про авторов. О текстах Зоценко и Достоевского я бы и без блохи рассказал подробно, но вот платоновский “Чевенгур” для меня остался темным лесом. Я пытался читать это, но забуксовал. Дело там происходит в русской степи, где беспрестанно сталкиваются люди, лошади, пули и паровозы.

– Нет, я никогда не был в этом ресторане.

– И не ходите.

Смотрю на его лицо. Трудно сказать, кем он был раньше. Судя по всему – бизнесменом. А может – гениальным физиком? Генным инженером? Хотя, возможно, это и обычные фамильные деньги. Моя блоха про него пока ничего не насосала.

– Плохой ресторан?

– Да. Вы русский?

– Нет.

Однако, он старомоден: полагает, что национальность должна соответствовать профессии.

– Парадокс. В каждой мировой столице есть всего два русских ресторана: один – так себе, другой – плохой. Почему?

– Трудно сказать...

– Почему русская литература популярна в мире, а русская кухня – нет?

Никогда, признаться, не задумывался...

– Плохая реклама?

– Чушь.

– Русскую кухню трудно назвать здоровой. Много жирных блюд, мучных.

– В китайской и греческой их не меньше.

Он прав. Никогда не задумывался. Времени нет... Как для любого европейца, русская кухня для меня – это водка, икра + pirozhki. Ну, еще – борщ. Хотя, pardon, борщ – это украинское блюдо.

– Когда я был здоров и посещал Уральскую республику, тамошние чиновники пригласили меня в великолепный русский ресторан. Там была вся полнота старого русского застолья, времен Достоевского. Именно тогда я понял, почему русская кухня никогда не будет популярна в современном мире.

– Почему же?

– Она закрыта. А наш мир требует прозрачности.

– Закрыта в каком смысле?

– Вы никогда не узнаете, что содержит в себе салат оливье, из чего сварена solyanka, чем наполнены pirozhki и что внутри kulebyaki. Закрытый мир.

Он прав. Неожиданно и точно.

– Закрытый мир отпугивает современного человека?

– Конечно. Поэтому он требует суши, где все видно.

С этим не поспоришь.

– Прозрачность?

– Да. Особенно сейчас, после этих страшных войн и потрясений.

Вообще, я к русской кухне равнодушен. И тем не менее:

– Но ведь все скрытое притягивает?

– Только маргиналов.

Мне нечего добавить. И я точно не пойду в “Семь самоваров”.

Он молчит. Молчу и я. У японцев все всегда без внешних эмоций. Этот человек в инвалидной коляске только что совершил оч-ч-ч-чень странный акт. Но он спокоен. И его смятое, как рисовая бумага, лицо по-прежнему ничего не выражает.

Я жду гонорара. Японец чувствует мое ожидание:

– Благодарю вас.

Двери расходятся, появляется все та же служанка в кимоно с подносом. На нем – *котлета*. С поклоном протягивает мне. Беру конверт, кланяюсь, как борец сумо после поединка. Коляска лихо разворачивается и увозит клиента из зала.

Finita.

Душ.

Массаж.

Самолет.

Вечер: вылетаю из Токио в Осло. Синяя блоха обеспечивает путь, зеленая пищит о полной безопасности, красная наполняет меня покоем и волей...

Все как-то слишком долго хорошо и благополучно. Как говаривал старик Zokal: “Так хорошо, что плохо”. Так бывает перед большим *наездом*. У нас на Кухне управление по борьбе с book’n’grill называют “санинспекцией”. Последний раз санинспекция побеспокоила меня семь месяцев назад. Вернее – мой временный апартамент в Пало-Альто. Зеленая блоха в очередной раз спасла меня – я испарился, а по-нашему *откинул спагетти* за десять минут до их прихода. Пришлось бросить все, даже эскалибур. Стальную дверь они прорезали за секунды. Вломились со своими железными псами. Но меня там уже не было...

У санинспекторов на меня давно сшито дело, это ясно. И не очень тонкое. Но наша *кухонная* служба безопасности тоже *мыла не ест*: я ежемесячно отстегиваю СБ три штуки на *смалец*. Это приличные деньги. Они идут в карманы чиновников из управления. Безусловно, при случае они меня возьмут, и ничего не поможет. Но все-таки – блохе капнули про наезд. Это хотя бы на время успокаивает. А вообще – на *смалец* сильно надеяться не нужно. В управлении порядочная ротация кадров, на смену подмазанным приходят молодые голодные волки, жаждущие погон и мяса поваров.

Так что – watch your back, Mister Book’n’griller.

В Норвегии я читал редко. Всего четыре раза.

Странноватая страна, и народ странноватый. Дело даже не в том, что русская литература им до лампочки. Норвежцы равнодушны не только к Тургеневу, но и к book’n’grill в целом. На старике Хэме или на Мопассане у них жарят не больше, чем на Тургеневе. Мировая мода их не очень коснулась. Они скупы, конечно, как и все северяне, но дело тут не в жадности, а в национальном характере. Норвежцы были замороженными еще до изгнания салафитов, а после этого им и вовсе круто отморозило кочаны. Три раза я читал у них, и каждый раз – что-то невообразимое. Последний раз – сельдь на чеховской “Степи”. Глядя на серые, ничего не выражающие лица едоков этой жареной селедки, пропитанной дымком русской степи и чеховской грустью, запивающих все это аквавитом и ледниковой водой, я вспоминал фразу отца о норвежцах: “Нация, навсегда утратившая чувство времени и пространства”. Но эта формула тогда не помогла мне разгадать загадку норвежской души. Как сын гуманитария, я послушал

Грига, посмотрел Мунка и побродил по голограммам фьордов. Не помогло. Помогла, как у нас часто и бывает, гастрономия. После того удачного чтения я был приглашен моими серолицыми клиентами на фестиваль Lutefisk. Он случается у них регулярно на Рождество и собирает массу народа, готового есть не совсем обычное блюдо. Это вяленая треска, вымоченная трое суток в растворе соды, а затем припущенная в воде. Запах этого блюда напоминает о городской канализации. Вкус – о том, что все мы смертны. Если lutefisk заказывают в обычном ресторане, то подают это под колпаком, чтобы запах не распугал посетителей. На фестивале же я попал в огромную народную харчевню, где двести человек ели только lutefisk. Амбре в зале стояло соответствующее. Много чего попробовавший в своей жизни, я с трудом осилил половину куска полупрозрачной, очень привлекательно выглядящей трески, запивая ее аквавитом и заедая ржаным хлебом с луком, но зато заглянул наконец в бездны загадочной норвежской души. Они дышали метафизикой. И меня впечатлили. Я навсегда снял все свои вопросы к норвежцам. Глядя на мою недоеденную lutefisk, серолицые тогда меня успокоили рассказом об исландском народном блюде – ферментированной, а попросту – тихо перегнившей в собственном соку акуле, которая хранится в бомбажных, вспученных банках, открывать которые рекомендуется только в пластиковом пакете и непременно в сортире. Эту желеобразную акулу положено намазывать ножом на хлеб и есть, запивая все тем же аквавитом... В общем, в Исландии, где я еще ни разу не читал, тоже все в порядке с метафизикой.

Но мы, материковые европейцы, все-таки придерживаемся наших традиций: свежая рыба, огонь, мелькающие страницы великого романа...

Спать.

17 марта

День: меня забирают из отеля. Я пришел в себя после перелета и даже успел прогуляться по городу и съесть на набережной тарелку рыбного супа. Погода солнечная, но ветреная. Умницы-блохи зудят покоем и добротолюбием.

Серый, как северное небо, “мерседес” уносит меня в пригород, едет по суровому пейзажу. Здесь еще только первые признаки весны. Деревья стоят голые, разломы каменных массивов громоздятся вокруг дороги, холодно сверкают на скупом солнце. После тепла Японии оказаться на севере. Потом – на юге. А после – снова на севере. C'est la vie! Сегодня мне в уши дует северный ветер, завтра в волосах зашевелится тропический муссон.

За девять лет я привык к климатическому маятнику. В моей красной, медицинской блохе есть программа психосоматической адаптации. Болеть мне не положено. Простуды категорически исключены. На мое тело надет жесткий корсет, сплетенный из дат и мест. Я должен быть всегда в форме, как Дживс:

- What would you prefer, sir?
- Говяжьих мозги на “Горе от ума”.
- Certainly, sir.

На поэмах, кстати, у нас готовят иногда. Я раз зажарил голубя на ахматовской “Поэме без героя” для двух белорусских лесбиянок. Со стопами они поедали его голыми на ложе, устланном лепестками белых хризантем...

А вот поэтические сборники – не в ходу. Это объяснимо, но все-таки – жаль: в России поэзию обожали во все времена, за три века вышло множество книжек. Большинство из них – карманного размера, легкого или полулёгкого веса. Они были бы идеальны для быстрых *чтений*: соловьи на Пушкине, конские тестикулы на Маяковском, телячьи ноздри на Пастернаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.